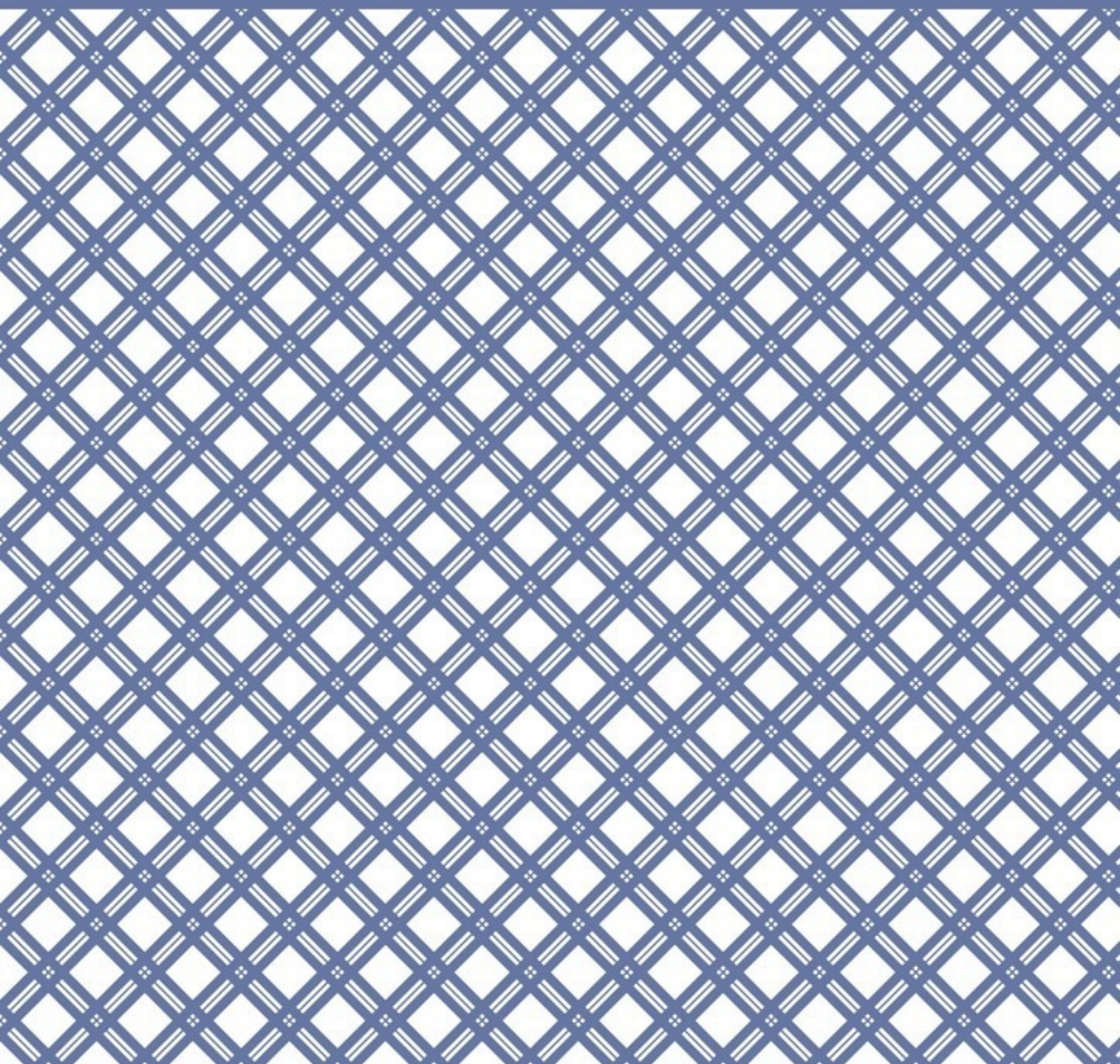

Валентин Шентала
Чернявский

Валентин Шентала

Чернявский

«Издательские решения»

Шентала В.

Чернявский / В. Шентала — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967441-8

Саша Чернявский, по сути дела, изменил представления о мире не только у автора, но и у всех пациентов и всего персонала детского санатория «Голубая волна».

ISBN 978-5-44-967441-8

© Шентала В.
© Издательские решения

Содержание

Чернявский	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
Часть первая	8
Глава 1	8
1	8
2	8
3	9
Глава 2	11
1	11
2	11
Глава 3	13
1	13
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Чернявский

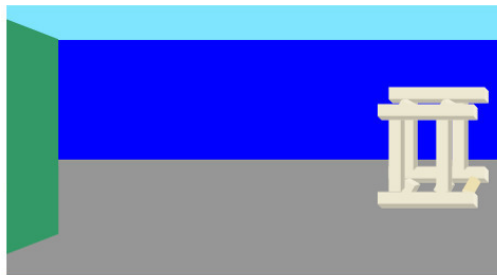
Валентин Шентала

© Валентин Шентала, 2019

ISBN 978-5-4496-7441-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чернявский

(ПОВЕСТЬ)

В. П. Алексеев

*«– Я с друзьями проблемы свои решу,
Те, что не разрешил без них.
А после прощения попрошу
У старых друзей своих,
У старых друзей своих».
(А. Макаревич, «Увы, постоянство...»)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть на берегу Чёрного моря небольшой курортный городок Анапа. В общем-то, ничем особым он не привлекателен, город как город, курорт как курорт, если бы не одно «но»...

Дело в том, что в самом центре этого зелёного, полного морским духом, в те года одноэтажного города прошли мои лучшие годы. Это было давно, в 1976 – 1981гг., вроде бы пора забыть. Ведь с тех пор, как говорится, много воды утекло. Нет больше моей Страны, в которой я родился и жил 25 лет своей жизни, наверняка нет уже некоторых ребят, с которыми мне посчастливилось быть знакомым, но то, о чём я хотел бы поведать, копилось во мне не один день. Я думал о том, как об этом написать, с самого начала, т. е. с того дня 1980г., когда однажды Алёша Гурьев и Андрей Максимов, возбужденные, как и все «старики» только что узнанной новостью о главном герое этой истории, затащили меня в детскую будку (каких немало в каждом садике) и наперебой стали рассказывать неожиданную развязку и один из эпизодов этой истории. Именно тогда у меня возникла первая мысль написать о Саше Чернявском, но в каком жанре? Сам сюжет об этом деле едва тянет на небольшой рассказик, но что-то меня останавливало его написать. Я долго не мог понять почему? И только сейчас, относительно недавно понял: история с Сашей – хороший повод рассказать *обо всех пяти годах* моего пребывания в детском санатории сначала закрытого, а в последние годы – чуть «приоткрытого», типа «Голубая волна».

Однажды, лет 20 назад, я уже начинал писать эту вещь как роман, но меня остановила моя неспособность описывать то, что нуждается в точном описании. Так мне тогда казалось. Теперь я думаю, что просто был не готов к этому. Когда же распался Советский Союз, по РТР показали какой-то вшивый фильм, где в каком-то санатории дети с ограниченными возможностями (как в нашем языке можно сказать помягче) устраивают бойкот по какому-то пустяковому поводу. Для меня было очевидно насколько далеки создатели фильма от темы, за которую взялись. Честно говоря, я и забыл тот пустяковый повод. Ведь всякий бунт, всякая «заварушка» лишь тогда чего-нибудь стоит, когда речь идёт о человеческой жизни. Иначе любое разрушение бессмысленно. Другое дело – какова цена этой самой жизни?

В нормальных условиях этот вопрос кажется более философской и менее практичной категорией, но там, где я был, этот вопрос не казался таким, уж, лишённым основания. Все эти и другие факторы и подвигли меня, в конечном счёте, на написание этой повести.

И ещё: пользуясь тем, что сюжет минимален, я намерен высказать на страницах этой повести некоторые свои мысли, поэтому вам может показаться, что повесть скучна.

Часть первая Знакомство

Глава 1

1

1980 год. Мы только что приехали с лечения, не то с ванн, не то с грязей, – какая теперь разница? По графику после отдыха до обеда оставалось минут 15, на улице снова было пасмурно и нас, как обычно, собрали в игровой. Я уже писал в рассказе «Всё прогрессивное человечество...», что это был самый плохой «поток». По крайней мере, для меня. Быть может, для «новичков» этот «поток» и был обычным, ведь они не знали, что здесь бывает лучше, но так получилось, что на этот раз сюда приехали в основном «старички». Так было не часто, но на этот раз получилось именно так. Ребята занимались кто чем горазд, Полина Андреевна дремала, время от времени просыпаясь, что бы сказать традиционное «Так-так»... Всё было как обычно.

Вдруг из длинного коридора послышался приближающийся грохот костылей. Кто бы это мог быть? Все «костыльники», вроде, уже тут, заезд давно кончился... Гость? Так и есть: секунду спустя сначала мы увидели радушную улыбку Полины Андреевны, которая сидела у двери и первая увидела пришедшего, потом в дверях появилась улыбка самого гостя. Это был Миша Урываев, другая легенда «Голубой волны».

– Ба, какие люди! – естественный возглас удивлённого неожиданной встречей человека. – Надолго к нам, какими судьбами, из каких краёв?

– Здравствуйте, Полина Андреевна. Да вот, заглянул минут на 5, еле-еле удрал. Сейчас я в 5ой группе...

Слово за слово – обычный разговор, воспоминания... Ведь всегда есть, что вспомнить человеку, знавшему тут каждый уголок, знакомого с большинством из здесь присутствующих. Ещё долго бы ничего не происходило (по моему мнению) если бы не одна невзначай брошенная фраза, которая не могла не взбудоражить около половины слышавших о Чернявском хотя бы что-нибудь. Ведь даже если кто-то и не был во втором «потоке» Саша (как я, например), всё равно он не мог не знать, что с ним произошло. Миша сказал буквально следующее:

– А вы знаете, Саша пошёл...

2

Начало апреля, вечер, 1978 год. Мы с папой только что вышли из приёмного покоя и собирались уже идти по обычному маршруту – вперёд и налево, как вдруг в темноте послышался знакомый голос:

– Вы, вероятно, во вторую группу?

– Да, – ответил папа.

– Так вам не туда, там сейчас идёт капитальный ремонт, – сказала неожиданно появившаяся из темноты фигура врача то ли 1ой, то ли 3^{ей} группы, как позже узнал Антонины Ивановны.

– Да-а, а нам никто не сказал, – удивлённо произнёс папа.

– Вам надо сейчас сразу налево, обойти этот дом и зайти с той стороны. Позвольте, я вас провожу.

– Спасибо, мне надо, мы поняли.

– Это где раньше школа была и клуб? – уточнил я. – Знаем!

Так я в первый и последний раз оказался не в своём корпусе. Впрочем, и этот корпус для меня был не в диковинку; в 1976 году меня возили сюда (на коляске) учиться в 3^{ии} класс. Кроме того, здесь располагался киноклуб, состоящий из двух помещений-кабинетов, между которыми в довольно-таки толстой стене были проделаны 2 квадратных проёма для киноаппарата. Интересно, куда же его разместили теперь? – мелькнула, было, у меня мысль, но тут же я увидел вдали контуры как будто достроенного корпуса, и мне сразу стало понятно, что этот киноклуб мог оказаться именно там.

Когда мы вошли в помещение, нас встретил почему-то радушный голос идущей на встречу нам Анастасии Ивановны:

– Ба, кого я вижу!

– Да, это мы. Как говорится, чудны дела твои... – ну, и т. д.

Из всего этого диалога, который ни для кого ничего не значил, может быть, стоило бы выделить (с целью показа живости разговора) слова о том, что теперь у меня такой-то номер, что означает, что под этим номером будут и шкафчик, и вешалка для полотенца, и полка для стаканов, да зачем? – В разные «потоки» у нас были разные «навороты» (как бы я теперь выразился), а во время большого ремонта что-то должно быть не так. Эти номера не отменили и после заезда в основной наш корпус, как говорится, коней на переправе не меняют.

Я пошёл спать по указанному адресу, очутившись там, где в 1976 году так сказать, обучался в 3^{ем} классе, а папа ещё долго беседовал с Анастасией Ивановной.

Утро того дня началось как обычно. Все, кто заехал, уже позавтракали и расположились здесь же, в игровой, совмещённой со столовой. В зимний период так делалось и в нашем корпусе (впоследствии я поймал себя на том, что постоянно сравнивал то, что было с тем, что стало), ничего удивительного тут нет. Где-то минут через 15 тётя Рая Запорожец (это фамилия такая) довольно-таки грубо вкатила и поставила за стол коляску с новеньким:

– Встречайте, господин 420! – и ушла.

Да, в те года, пока «тяжёлых» было относительно мало, нелюбовь к ним «младший состав медперсонала» ещё не особо и скрывал. В основном, естественно, было отчего: таскать «многотонные бомбы» не каждому понравится. Кроме того, парень был одет в явно казённую не то кофточку, не то костюм (по моему, даже создатели сего творения не знают, что это такое), в котором в 1976 году был одет умственно недоразвитый Саша Поздняков, в свои 16 лет владеющий неполным словарём небезызвестной Элочки – Людоедочки и ничего не понимающий. Однако, сев (вкатившись) за стол, парень глубоко вздохнул и, положив руки крест-накрест на стол, медленно и тяжело опустил на них голову.

«Э, нет, этот парень – не дурак», – подумал я, увидев до боли знакомую позу. В этой позе я, т. с., «ностальгировал» по дому. Пока столы были старые и на них были клеёнчатые скатерти, я под них клал письма, записки и т. п., а затем время от времени их перечитывал. Почему-то мне показалось, что ему тоже *будет чего класть*. Как позже выяснится, я не ошибся.

Я взял ходилку и подошёл к нему:

– Как тебя зовут?

– Саша...

3

Январь, то ли 4ое, то ли 5ое число 1976 года. Ночь. Мы с папой и мамой впервые перешагнули порог «Голубой волны». 6 лет назад мы уже здесь, насколько я понимаю,

были, но на консультации, приехав в другой санаторий. То посещение я, естественно, почти не помню, а потому сейчас я в первый раз за шикарными воротами этого заведения. Мы входим в приёмный покой. На столе стоит графин с водой, и мне почему-то захотелось пить.

Новый год мы справили дома. А на следующий день я почему-то заболел. Позже я не ещё однажды умудрюсь температурить накануне отъезда в «Голубую волну», до сих пор до конца не понимая причины этого, но тогда, насколько я помню, стоял вопрос об отмене этой поездки. Однако, надышавшись свежего, вечернего анапского воздуха и выпив с дороги полстакана воды, я почувствовал, как мне стало лучше. Этот феномен повторится ещё не однажды. Когда же мы добрались до самого дальнего от ворот, но стоящего у самого моря одноэтажного корпуса и я лёг спать на указанную кровать, почему-то я ощутил себя самым здоровым и счастливым человеком на Земле. Странно. Ещё страннее то, что первые полгода я действительно абсолютно не скучал по дому, ощущая здесь себя как в родной стихии. Почему? Наверно, потому, что чем больше человек находится в некоем замкнутом помещении *N*, тем в принципе меньше он скучает по нему, выйдя оттуда. Как позже выяснится, мне очень много надо, что бы заскучать по дому. А пока...

Я окунулся в прохладную постель, закрыл от удовольствия глаза и... «пусть весь мир подождёт»!

– Будить его или не будить? – это было первое, что я услышал, проснувшись утром.

Чуть приоткрыв глаза, я увидел за большими окнами такое же чёрное небо с горящими на столбах фонарями, с высокого белого потолка горели 2 больших круглых плафона, а надо мной склонились две головы. «Если бы я был бы здесь не первый, – подумалось мне, тут же закрывшему глаза, – такого вопроса и не возникло бы. Режим есть режим, какие могут быть сомнения!»

– Да пусть поспит! Успеет ещё навставаться, когда придёт время! Детей ещё нет, процедур нет, – куда спешить?

И они ещё поговорили на разные темы. Видно было, что эта пара давно и успешно друг с другом сработались. В числе прочих тем они несколько раз обмолвились о том, какие у моей мамы вкусные грибы (когда успели распробовать?).

И всё-таки пришла пора, когда было сказано однозначно:

– Буди, хватит!

– А я уже встал, – сказал я, весело открывая глаза.

Глава 2

1

1978 год. Прошло несколько дней, а может, один – здесь не столь важно. Я куда-то катил в сторону выхода, насколько помню – в палату. Вдруг в дверном проёме выхода, который располагался тоже в том же направлении, только в конце коридора, появилась очень знакомая спрутоподобная фигура качающегося как-то одновременно во все стороны Игоря Кузнецова. Когда мы сошлись, оба, не сговариваясь, стали кривляться, изображая неподдельное удивление неожиданной встречей: он опустил голову до уровня моего лица и наклонил её в противоположную, нежели я сторону. Затем я наклонился в «его» сторону, а он абсолютно синхронно – в «мою». Эту непонятную и смешную «церемонию» мы проделали ещё несколько раз, явно пытаясь рассмешить друг друга. Надо сказать, что ему это удалось: когда мы, наконец-то, разошлись, я едва сдерживался от громкого хохота, толком не понимая, чего здесь смешного?

Игорь Кузнецов – человек не моего круга. Он ходил (хотя хромал так, что непонятно было, как он при этом не падал), а потому считался «здоровым». Соответственно, и водился Игорь со «здоровыми» ребятами. (Интересно, что в 1977 году один из «здоровых» был без ног, другой сломал ноги в аварии, гоняя на «картах», а третий просто хромал). Здесь Игорь – хороший повод для перехода к основному сюжету, задевая остальные ветви. Однако, забегая вперёд по времени, хочется начать с вечера, абсолютно никакого отношения не имеющего к основному сюжету.

Однажды, когда мы уже переехали в основной корпус, мы вышли на вечернюю прогулку. Видимо, потому что я, как и все малыши и «тяжёлые», не так уж часто выходил гулять после ужина, а может быть, действительно было так, но когда я поднял голову...

Высокие-высокие, чистые-чистые яркие звёзды, казалось бы, кружились в каком-то невиданном прекрасном хороводе жизни по изумительно-ночному небу. Неожиданно мне стало казаться, что оттуда, с неба я слышу небывало-красивую музыку, звучащую с Начала Времени и которая будет звучать до самого Конца... Невозможно было не восхищаться этой Красотой Вечного Космоса. На ум приходили почему-то строки А. С. Пушкина «Тиха украинская ночь...», хотя Кавказ – это, конечно, не Украина. И я не мог не поделиться этим открытием хотя бы с кем-нибудь. Но с кем? Саша уже лёг, другим это что есть, что нет... А Игорь год назад писал (и рисовал) какой-то научно-фантастический роман, действие которого происходит в таком «глубоком» космосе, что Землёй там даже и не пахнет! В моих понятиях, если пишешь про космос, то не можешь не восхищаться этой космической Музыкой Вечности...
«Во поле выйдешь – песни поёшь...»

– Игорь, посмотри какое звёздное небо! – вскрикнул я, когда он, петляя по совершенно непонятной траектории, оказался рядом со мной. Глупо! Он, конечно, вскинул голову, начал восхищаться:

– Ух, ты-ы-ы!!! Какая красота! Какие звёзды...

Но, не смотря на это, у меня возникло ощущение, что он явно иронизирует этими словами.

2

1977 год, «поток» июль – сентябрь. «Поток» как «поток», ничего из ряда вон выходящего, вроде, не было, просто для меня это – лишний повод поразмышлять. В частности, над

тем, что же такое «эго»? Почему в одних случаях это – плохо, в других случаях – хорошо, а в третьих – никак?

Как я уже писал, была в этом «потоке» достаточно ярко выраженная группировка. Подобные группы *товарищей* образовывались у нас достаточно часто, что вполне естественно: каждый человек ищет общества себе подобных. Сейчас я бы разделил эти группировки на 3 вида; это – нормальные, эгоистичные и эгоцентричные.

Мало кто из людей могут обойтись без друзей, хотя бы временных. Это вполне нормальное явление. Не вполне нормально, если они объединяются эгоистично. Это в основном хулиганские группы. Но бывают ещё объединения, которые в принципе никому не мешают, но и в ранг нормальных группировок как-то не вписываются.

Каким-то образом им удаётся балансировать на грани общепринятых норм, не нарушая их. Конечно, кое-кому кое-когда кажется, что ничем-то они от хулиганов не отличаются, что время от времени их надо бы одёргивать, ставить на место, но, по-моему, это – слишком субъективное мнение.

Так вот, компания (довольно-таки не скучная) Миши Урываева была именно эгоцентричной. На уровне медперсонала она кого-то задевала, позже это сыграет свою роль уже в моём поступке, чуть-чуть изменившем *мою жизнь*. Были они достаточно весёлые и жизнелюбивые ребяташки, постоянно что-то придумывали, каждый день у них был не похож на предыдущий. Однажды Урываев задумал и провёл групповой шахматно-шашечный турнир, чего у нас ни до, ни после них никогда не было (подобный турнир проводился только на общесанаторном уровне). Я думаю, что это придумал Урываев, поскольку в 1979 году, когда ни Вовы Белова, ни Андрея Горянкина не было, был проведён КВН между 3^{ей} и 5ой группами, где Миша проявил столь активное участие, что в поисках нужных атрибутов обегал всё, что только можно было обежать, в том числе несколько раз забегал и к нам, во 2^{ую}, будучи уже в 5ой.

Вова Белов – самый спокойный, вроде бы, из троицы. Оглядываясь назад, я не могу припомнить ни одного случая, где ругали бы именно его. Мне он запомнился как отличный рисовальщик, который мог простым карандашом так умело изобразить пейзаж или портрет, что казалось картина оживала, словно вот-вот оттуда вылетит чайка, выскочит человек или выльется море. Я был настолько заворожён этой его способностью достаточно быстро, почти не пользуясь ластиком, изображать такие живые картины, что сам довольно много лет пытался воспроизвести что-нибудь подобное. Вполне возможно, что часть рисунков в тетради Игоря – это его работа. Как я иногда думаю, и роман-то у них был общим творением; они частенько где-нибудь собирались и немножко шумно обсуждали дальнейшее развитие сюжета.

Ну, про Андрея Горянкина я уже писал в «Размышлениях у протезов» (*цикл «Наши»*). Осталось добавить, что он – мой земляк. В рамках данной повести это примечание было бы несущественным, если бы не повод порассуждать о слишком невидной роли землячества для нас. Иногда, ведь, бывает так, что «лицом к лицу лица не увидать». Когда в «нормальном» мире сосед не знает подчас соседа, у нас землячество тем более – пустой звук! Это про нас поэт сказал: «большое видится на расстоянье». Ну, что с того, что он живёт в одном со мной городе? Он мне не нужен, я – ему.

Глава 3

1

1980 год, где-то начало апреля, Москва, Курский вокзал, «2ой этаж», площадка возле «Комнаты матери и ребёнка». Как всегда, мы едем на юг, как обычно говорят курортники. Почему-то вышло так, что билет взят только на завтра, обычно так не было. Но я, надо сказать, много не потерял: сейчас папа пошёл звонить Мише Дмитровскому, через минуту он придёт, а пока я пытаюсь узнать время. Те, кто когда-нибудь был на Курском вокзале, знают, что в принципе это сделать не сложно: большие электронные часы установлены с двух сторон у краёв «2ой этажа», как раз над нижним залом ожидания. Однако в данном случае я сижу за одними часами, а вторые из них находятся слишком далеко от меня. Насколько мне это было нужно – это ещё вопрос, но что-то меня дёрнуло поинтересоваться о времени у рядом сидящей женщины:

– Скажите, пожалуйста, сколько часов?

В ответ слышу неопределённо-утвердительное:

– М-м, м-м.

Попытка была повторена. С тем же результатом, мол: «– Абсолютно с вами согласен, молодой человек, только не трогайте мои меха».

Ещё после нескольких попыток дама, схватив сумку и ухватившись за меховые муфты, довольно резво ретировалась на несколько мест дальше «от этого хулигана», не то, чего доброго, порвёт рукав.

Как же часто люди не понимают друг друга! Как часто в лучшем случае рвут глотку, пытаясь что-то доказать собеседнику, который в лучшем случае не пошлёт первого «по назначению». Есть такая поговорка: «Встречают по одежке, провожают по уму». Обычно она верна, но бывает, что верна к большому сожалению. Я не скажу, что у нас, в Анапе, все понимали (имея в виду и себя), но там *старались* понять самую невнятную речь, самые непонятные фразы... Иногда расшифровывали такие перлы, как «Снимите мне голову, она мокрая!» (что означало просто просьбу высушить волосы). Но это – самое понятное из непонятных выражений слабоумных детей. Чаще мы сталкивались с неспособностью понимать своих же друзей, многократно переспрашивая друг друга или выговаривая уже сказанное. Но в *нашем мире* человек никогда априори не считался заведомо придурковатым или не правым: мы начинали спорить только после того, как выясняли точки зрения собеседника. Здесь же (в Москве ли, в Чебоксарах ли, в Тмутаракани ли) люди очень часто не слышат и не хотят слышать друг друга, подчас вопреки всему доказывают только своё. Здесь не редко амбиции намного выше самих их носителей, обвиняющих в амбициозности подчас совсем других людей. Почему-то мир устроен так, что всё равно никому ничего не докажешь. «У сильного всегда бессильный виноват», как говаривал Иван Андреевич.

Пришёл папа. Сообщил, что до Дмитровского дозвонился и скоро он будет здесь. Однако так получилось, что про него мне бы надо писать отдельно и не здесь. Миша Дмитровский – это тоже человек-легенда (по крайней мере, для меня). Но здесь я ограничусь тем, что мы славно и увлечённо поговорили, не успев сказать ничего, что планировалось.

Ещё днём я заметил очень похожего на меня парня. Сказать, что мы с ним где-то встречались, я не мог (хотя впоследствии так и оказалось), но меня не покидало ощущение дежавю. Где-то я его видел?

Когда же нас с папой разместили в палате «Комнаты матери и ребёнка», на другой кровати оказался этот парень. Уже раздевшись и усевшись на свою постель, этот парень немножко неожиданно произнёс:

– А я тебя знаю, ты – Валя...

2

Где-то в середине того «потока», уже сойдясь с Андреем Максимовым (а именно так его звали) «накоротке», проведя вместе с ним немало времени, я, наконец-то, вспомнил, где я мог его видеть. Это было в короткий промежуток времени между первым и вторым «потоками» Чернявского. Тогда Сашу просто оставили на второй срок, а я дожидался окончания Таниного пребывания в «Жемчужине России». Естественно, соскучившись по дому, мне хотелось поскорее выбраться отсюда, хотя бы в одноместный номер гостиницы, где был уже папа, всё-таки какое-то разнообразие, тем не менее, этого времени хватило для знакомства с Андреем. Как, однако, позже выяснится, это знакомство тоже было не первым, но это уже вспомнил не он, а я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.